

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 93/94

Суханова Н.И.

Московский государственный областной университет

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН 1917–1918 гг.

N. Sukhanova

Moscow State Regional University

PUBLIC SENTIMENTS IN THE NORTHERN CAUCASUS DURING THE REVOLUTIONARY CHANGES OF 1917–1918

Аннотация. В статье анализируются особенности неоднозначного состояния общественных настроений на Северном Кавказе в 1917–1918 гг., раскрываются причины их эволюции под влиянием процессов модернизации, разрастания политической борьбы, революционных перемен. Автор показывает состояние и причины раскола во всех социально-этнических группах региона в условиях революции, а также использование его в политике враждующих сторон.

Ключевые слова: Северный Кавказ, революция, общественные настроения, крестьянство, казачество, горцы.

Abstract. This article analyzes the features of the ambiguous state of public sentiments in the Northern Caucasus in 1917–1918, the reasons they have evolved under the influence of modernization processes, escalation of the political struggle and revolutionary changes. The author indicates the status and causes of the split in all social and ethnic groups of the region in revolutionary conditions, as well as the use of such split in the political struggle of the warring parties.

Key words: North Caucasus, revolution, public sentiments, peasants, Cossacks, mountain dweller.

Российская политика на Северном Кавказе всегда формировалась и реализовывалась в сложных условиях. Причин тому множество. Одной из них является то, что северокавказское сообщество всегда являлось совокупностью значительного количества различных цивилизационных и социокультурных систем. Эти системы практически постоянно находились в состоянии взаимодействия, как созидательного, так и разрушительного. В различные периоды исторического процесса их основы претерпевали определенную динамику. Она происходила под воздействием самих перемен в обществе, и меняющейся, в их результате, в неоднородном северокавказском общественном сознании картины мира. В такие времена наиболее ярко проявляли себя общественные настроения, определенным образом влияя на социальные процессы. Источник общественных настроений имеет социокультурные основания, обстоятельства, тип сознания. Общественные настроения – это социальный факт [4, с. 352].

Общественное настроение автор определяет как преобладающее состояние умов и чувств определенных социальных групп в конкретные периоды времени. Определенный уровень

общественных настроений может стать толчком к активной коллективной деятельности. Он также способен объединить массы в одно социальное или политическое движение. Общественные настроения формируют массовое сознание, дают основания для качественного анализа социума. Осведомленность об общественных настроениях, в свою очередь, позволяет формировать общественное сознание или манипулировать им. Для решения важнейших стратегических задач знание о состоянии умов и настроений в обществе играло огромную роль. Не случайно практически везде большевики ставили перед местной властью и силовыми органами задачу выяснения и «ежедневного информирования об отношении населения к Советской власти и описание событий по группам населения (иногородние, казаки, рабочие .....)¹.

Сложно изучать этот объект из-за его неоднозначности, динамичности, трансформации его базовых механизмов, отсутствия одинаковых характеристик разных его носителей, недостаточного количества источников. Еще более сложен процесс изучения общественных настроений населения такой полиэтничной и многосословной окраины России, как Северный Кавказ, в годы социальных катаклизмов.

В 1917–1918 гг. произошел радикальный скачок в жизни российского общества, в том числе и северокавказского. Он был связан не только с изменением системы власти, её экономических, политических и социальных основ, но и с одним из источников этих перемен – изменяющимся под воздействием сложных модернизационных процессов общественным настроением. События этого времени содействовали ускоренному и насильственному процессу социализации личности, происходящему в экстремальных условиях и имеющему далеко не линейный характер.

Осмысление того, что представляли собой общественные настроения в указанное время, даёт возможность ответить на вопрос о тех альтернативах, которые могли

быть реализованы в России. Известно, что бездействие власти или политических элит приводит в движение многочисленные массы населения. В условиях, когда были исчерпаны возможности дореволюционного строя, доминирующим общественным настроением, особенно малоимущих слоёв, стало ожидание перемен, но наполненное желанием стать действующими субъектами этого процесса. На место преобладавших ранее типов общественного настроения в России – социальной инертности, политического инфантилизма, выжидательных позиций, начала приходила социальная активность, подталкивающая власть к созидательным действиям.

В статье предпринята попытка проанализировать состояние общественных настроений основных групп населения Северного Кавказа – крестьян, казаков и горцев, а также особенности его эволюции в условиях динамично протекающих политических перемен. Проблема состояния общественных настроений и их взаимообусловленности с социальными процессами достаточно востребована исследователями-обществоведами, но в такой постановке она еще не изучалась. Источниковой базой исследования являются документы, отражающие чаяния, настроения и действия крестьян в условиях лавинообразных перемен 1917–1918 гг. на Северном Кавказе.

Особенностью Северокавказского региона всегда являлось многообразие социальных и этнических групп населения. Преобладающей их частью всегда было крестьянство. Оно было неоднородно. Носителями товарного производства были коренные крестьяне. Наемный труд был, в основном, уделом иногородних. Крестьянский труд был основой жизни казачества и горцев.

В условиях военно-революционного периода стали усиливаться факторы политизации и милитаризации общественных настроений населения региона. Все это налагалось на модернизационные перемены, элементы которых были привнесены в крестьянскую жизнь в конце XIX – начале XX вв. Южная деревня приобретала новую производственную и бы-

---

¹ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.р. 102. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 3, 18, 30.

товую технику. Благодаря развитию товарного производства росло понимание значимости денег. Образование и чтение становились востребованными. В этих условиях бурно расцветал индивидуализм, стремление освободиться от власти общины. Утилитаризм среди крестьянства привел к двум противоположным, исключаящим друг друга результатам, к расколу. С одной стороны, к попытке стать на путь самостоятельной жизни, к интенсификации производства, с другой – к возврату к архаике, к закреплению экстенсивных архаичных форм жизни, к разрушению всего государственного и общественного порядка [2, с. 189].

В этом отношении очевидна разница общественных настроений в деревне Центральной России и сельской местности на Северном Кавказе. В первом случае деревенское сообщество оставалось главной формой общественной жизни деревни, крестьянство же Северного Кавказа больше тяготело к утилитаризму. В Центральной России крестьянин традиционно не принимал права частной собственности на землю, на Северном Кавказе это право преобладало в желаниях крестьян.

Преобладающие крестьянские настроения на Северном Кавказе, в основе своей, отражали не пролетарский, а демократический уровень их мышления. Он проявлялся в подходе к решению различных вопросов: о власти, о земле, о системе местного управления и т.д. Здесь даже во время Гражданской войны для крестьянства главным оставался вопрос черного передела, но не задачи радикального переустройства власти и общества. Более того, крестьяне даже отстранялись от решения этого вопроса. Их социальная борьба развивалась в неполитическом измерении [3, с. 100]. На Северном Кавказе отношение значительной части крестьянства к частной собственности на землю было весьма уважительным и заинтересованным. Регион отличался высоким уровнем товарности и кооперированности крестьянского хозяйства. На Ставрополье и в Черноморской губернии, где коренных крестьян было больше, чем ка-

заков, тяга к собственной земле была велика. Здесь существовала дешёвая аренда земли, что содействовало росту предпринимательства.

Эти элементы массового сознания северокавказских крестьян содействовали тому, что стремление к самовольному переделу земель на Северном Кавказе было не слишком ярко выражено – сказывалось уважение к собственности.

Поначалу коренные крестьяне региона приняли декрет «О земле» настороженно. Но декрет и здесь сыграл свою раскалывающую роль. Постепенно крестьянство стало принимать его как санкцию на непосредственный передел земли ими самими. Упрощённый взгляд на мир еще более значительно проявил себя после того, как летом 1918 г., после завершения раздела помещичьей земли, стала очевидной её нехватка. Содействовал этому ещё и правовой нигилизм. К примеру, в резолюции, вынесенной «совдепом села Феодосийского и его здоровыми гражданами», говорилось, что завоеванных прав на землю и волю они никогда не отдадут. Поэтому будут поддерживать советскую власть. В селе преобладало коренное крестьянство, имеющее определенные наделы земли. Но, по-видимому, земли действительно много не бывает¹. Слишком быстротечными были события, и интенсивно действовала пропаганда советской власти.

Декрет «О земле», основанный на классовом подходе, разжигал социальную борьбу в деревне, станице, ауле. Сдерживалась она в начале Гражданской войны тем, что большевики Северного Кавказа из-за малочисленности своей социальной базы блокировались с эсерами, меньшевиками и анархистами. А подавляющая часть населения региона была на стороне эсеров². С развитием революционных событий, локализацией партийных интересов крестьянство оказалось крайне дезориентированным. Политические партии

---

¹ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 194. Оп. 2. Д. 4. Л. 7.

² Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 1919. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.

перетягивали крестьян. Поэтому в условиях междувластия главной силой в деревне стали крестьянские сходы. Самоорганизация крестьян создавала возможность самосохранения. И там, где к сходам крестьянство относилось серьезно, местная власть зачастую принимала сторону крестьян.

Несмотря на то, что характер сословного землевладения казачества закрывал пути развития предпринимательству, его отношение к собственности тоже было уважительным в силу исторических условий борьбы за сохранение незыблемости казачьих земель. Но земельный вопрос здесь тесно переплетался с социальным. Казачество не принимало, в основной своей массе, политики большевиков, их «незаконный захват власти». В протоколе заседания Большого Круга Войска Донского от 4.12.1917 г. большинством (но не всеми!), при четырех воздержавшихся, было принято предложение атамана о непризнании власти большевиков. Но при достаточно высокой степени монолитности Донского казачества, большевизм проник и сюда. В станице Малодольской Усть-Медведицкого округа не стали формировать войско против большевиков. 14-й Донской казачий полк приветствовал «товарищей солдат, рабочих, крестьян, борющихся с буржуазией»¹.

Подобная картина расколотых казачьих настроений имела место и на Кубани. Документы подтверждают антиреволюционное «настроение большинства станиц. Среди них самые активные станицы – Анапская и Раевская². Приговором станичного сбора станицы Шкуринской Ейского отдела Кубанской области (59 чел. с правом голоса) принято решение о восстановлении законного порядка – ликвидации большевизма и подсчет человеческих жертв и имущества «за 4,5 месяца господства над нами Ленина и К.»³. Образ мышления казачества – конкретный, прямолинейный, традиционалистский, ос-

нованный на уваровской триаде, не содействовал активному вращению его в систему большевистской власти. При этом среди казаков имели место явно пробольшевистские настроения. Так, Следственная комиссия Войскового круга рассматривала материалы по обвинению депутата Войскового круга ст. урядника В. Головачева в агитации за переход в ряды Красной гвардии. За укрывательство большевика Т. Ляшенко депутатом Войскового круга, атаманом (!) станицы Морозовской Я.И. Ивановым последовало требование жесточайшего наказания⁴. И все-таки в сложное переходное время 1917–1918 гг. положение на казачьих территориях оставались относительно стабильным. Это подтверждалось фактом базирования здесь Добровольческой армии, практически нелегальным положением большевиков и их сторонников, а также большим количеством прошений о переходе в казачье сословие именно в эти годы. Их писали крестьяне, священники, врачи, мещане, интеллигенция. Люди искали стабильности, хотя бы относительной, которая, по мнению многих, сохранялась лишь на территории казачьих войск. Войсковой Круг Донского и Кубанского войск требовали для принятия в казачье сословие, в числе прочего, документы, подтверждающие фактическое участие в боях с большевиками. Для казаков, воюющих с большевиками, на 50% увеличивалось денежное пособие⁵.

При явном предпочтении Белому движению казачество и в этом случае не шло на безоговорочный союз с Добровольческой армией. Донцы обязывались подчиняться единому командованию в лице Деникина только в оперативном отношении. С Дона, по их требованию, не должны были уходить части, если им будет угрожать опасность. Кубанцы строили свои отношения с Добровольческой армией с целью защиты от большевиков. Далее планировалось сформировать собственную суверенную государственность. Наиболее последовательными в антибольшевистской борьбе были терские казаки, но

¹ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 864. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

² Центр хранения документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦХДНИКК). Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

³ ГАКК. Ф. Р 5. Оп. 1. Д. 172. Л. 1.

⁴ ГАРО. Ф. Р 861. Оп. 1. Д. 83. Л. 84.

⁵ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 43. Л. 28. Л. 43.

и этому было свое объяснение утилитарных интересов терцев, находящихся в горском окружении и утверждающих российскую государственность на этой территории. Казаки станиц Эссентукская и Подгорная вынесли приговоры отклонять все ходатайства об отпусках и освобождениях казаков до полной победы над красными¹.

Первая мировая война, хаос и непонимание ситуации поколебали в общественном российском сознании патриотические начала. Налицо была этическая стадия кризиса. Человеческое сознание подвергалось сложным испытаниям. Была ослаблена и духовная составляющая общественной жизни. Нравственные принципы уходили, отодвигались на 2-й и 3-й план, это и стало самой страшной потерей [1, с. 4]. Источники отмечают явное ослабление роли православной церкви в жизни верующих. Более молодое поколение солдат, офицеров и даже казаков относились к религии равнодушно. При том, что многие представители церкви проявляли массу примеров верного служения Отечеству, но «в целом она не сумела обеспечить высокую религиозность, создать прочную связь с войсками» [5, с. 119].

Сцерковью происходило то же, что и со всеми общественными институтами: она претерпевала кризис и оказалась расколотой. Немало документов говорят о пробольшевистской деятельности священников местных приходов. Один из них «раздавал народу ленинские декреты, ночью организовывал сходки для подготовки борьбы с контрреволюцией»². Имеется много следственных дел и обвинений в укрывательстве церковнослужителями белых, красных, дезертиров и пр.³.

В эти переломные годы резко выросло количество религиозных сект на Северном Кавказе. Губернский Ставропольский Совет отмечал рост контрреволюционной агитации, «брожение со стороны религиозных сект, баптистов и субботников»⁴. Кубанские

власти отмечали: «в Темрюкском отделе имеется секта Евангелистов-Баптистов – 270 чел. Советской власти сочувствуют, в армию идти отказываются. В кооперации работают вместе с другими гражданами, создали свою артель «Вефиль». То же в станице Запорожской – 42 человека. Они за Советскую власть. Есть секты Израильских христиан, Новоизраильские евангелисты, старообрядцы, хлысты (единоличное предпринимательство), молокане (тяготеют к торговле). Подобная ситуация в станицах Таманской, Варениковской и других». И это в казачьих районах, где православие всегда было основой казачьей жизни. Толкали людей в секты неопределенность, разрушение вековых основ, отсутствие стабильной и крепкой власти. При этом происходили перемены в настроениях казачества и крестьянства. Они вынужденно переходили к конформизму. Эти перемены в настроениях учитывали большевики, зачастую принимая решение «действовать в их отношении, не вызывая эксцессов». Более того, органы Советской власти подошли к их анализу и учету еще и с точки зрения хозяйственной пользы⁵.

Революционные события внесли перемены в настроения горских народов Северного Кавказа. Они восприняли революцию и Гражданскую войну из России. Несмотря на постоянное сопротивление установлению здесь российской государственности, за время нахождения в её орбите у горцев сформировалось колониально-имперское мышление. Оно означало не только сопротивление, но и невозможность существовать вне империи.

Основная масса горцев не очень разбиралась в целях и задачах революции и Гражданской войны. Поэтому они не являлись активными союзниками большевиков. Современники событий отмечали: «История революционного движения среди горских народов не сложна. Верные своим адатам и религиозным воззрениям, горцы заражались очень медленно и исключительно практически большевизмом» [6, с. 121].

Решения, принятые на II съезде Советов в отношении земли, противоречили миро-

¹ ГАСК. Ф. 1919. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

² ГАСК. Ф. Р 870. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³ ГАСК. Ф. Р 22–77. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–4.

⁴ ГАСК. Ф. 1919. Оп. 1. Д. 9. Л. 23, 24, 25, 29.

⁵ ГАКК. Ф. Р 102. Оп. 1. Д. 133. Л. 11.

воззрению горцев, считавших землю неприкосновенной собственностью каждого горца, как по шарияту, так и по обычному праву [3, с. 106]. Практически подходили горцы и к Белому движению. Шейхи Узун-Ходжа и Али-Ходжа заявили: «Покуда Добрармия не покушается на Дагестан, ни один дагестанец не должен выступать против нее». Но вскоре в ответ на жесткие действия белых они объявили Добрармии «священную войну» и стали во главе повстанческого движения¹.

Антиденикинские настроения среди горцев преобладали, т.к. Добровольческая армия продолжала традиционную самодержавную политику на Кавказе. Прецедентов добровольного вхождения горцев в Добровольческую армию было немного. Наиболее лояльно настроенными белые считали население Кабарды. Это объяснялось давними связями народов и значительным количеством кабардинской аристократии на российской службе. Осетию считали неопределившейся. На съезде ингушского народа его представители высказались против участия в Добровольческой армии. Причины и в этом случае ясны: белые были в союзе с терскими казаками². В целом настроения горского населения были узко утилитарными.

Революционный процесс 1917–1918 гг. серьезно изменил повседневную жизнь и структуру общества, внося большие перемены в представления, убеждения и настроения людей. После весьма значительного срока незыблемости государственности в их сознании произошел резкий переход к негативизму в отношении к государству. Произошла десакрализация высшей власти. В этих условиях сознание общества переживало серьезную ломку, возвращались его архаичные элементы. Состояние и уровень общественных настроений за два-три года претерпели

эволюцию от наблюдательности к усилению социальной активности. Деятельность основных общественных групп была направлена не на содействие формированию более совершенной государственности, а на задачу самосохранения, принимая при этом самые различные формы. Казачество было устремлено к сепаратизму. Горцы начали создавать собственные формы государственного устройства. Крестьянство стремилось изолироваться от политической борьбы и переждать смуту, а в ряде случаев формировало «зеленые» отряды. Шел процесс мощного раскола северокавказского общества по всем возможным признакам. Ликвидированные в сознании людей ценности государства поначалу были поддержаны большевиками, предлагающими государство-коммуны. Но по мере развития дезинтеграционных процессов именно большевики смогли сыграть на настроениях масс, желавших выйти из хаоса. Победила их власть, которая «жестокостью своего насилия могла превзойти крестьянское самоуправство» [3, с. 114].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архив русской революции. В 22 т. Т. 1 / Предисловие Г. Иоффе. – Берлин, 1927–1937 гг. – 273 с.
2. Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 610 с.
3. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.
4. Дюркгейм Э. Социология. – М., 1995. – 362 с.
5. Козлов А.И. Антон Иванович Деникин (человек, полководец, политик, учёный). – М.: Собрание, 2004. – 440 с.
6. Шнайдер В. Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917-конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. – 416 с.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 65. Д. 37. С. 6.

² [Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 446. Оп. 2. Д. 31. Л. 80, 81.]